

Тайский балет из Кремля

Ян Смирницкий

Остаются считанные дни до открытия сезона в театре «Кремлевский балет», дислоцирующемся соответственно в Кремлевском дворце бывших съездов. Обо всех проблемах и чаяниях коллектива мы узнаем от его руководителя народного артиста России Андрея Петрова.



Репетиция. Андрей Петров (слева)

— Андрей Борисович, каким вы видите стиль Кремлевского балета?

— И мне, и артистам хочется найти в этом театре новое понимание классических основ русского балета, понимание той музыки, которую оставили нам Чайковский, Глазунов, Прокофьев, Шостакович, Стравинский, ибо именно эта плеяда композиторов конца XIX и всего XX века оказала решающее влияние на балет. Глупо отказываться от наследия Большого или Мариинки, от того, что иностранцы называют гран-балетом. Но это наследие нужно развивать. Отсюда — наши поиски новых композиторов.

— А каких «новых» вы имеете в виду?

— Хренникова, с которым мы делали балет «Наполеон», Овсянникова, с которым поставили «Приключения Тома Сойера». Мы очень хотели бы работать с композиторами этого дня, понимаете? Потому что искусство — это осмысление человеком себя в определенном пространстве, в своем времени, стране, национальности... Трудно мне представить себя, скажем, американцем и поднимать американские проблемы.

— Не считаете ли вы, что человек вообще не в праве гордиться своей национальностью?

— А это происходит помимо его желания. Стравинский, который где только не жил — и в Америке, и в Швейцарии, и во Франции, все равно остался русским композитором. Я интернациональный человек в восприятии разных людей, разных культур, но просто есть данность, которую невозможно преодолеть...

— Есть неизбежные трудности в соприкосновении с новым?

— О, да. Но есть еще и вопрос восприятия зрителей. Тем более, если учесть, что в 90-е годы произошел сильный откат от понимания искусства балета, точно такой же, какой был в 1917 году. Зрители пришли совершенно другие; только если в 17-м они были в бушлатах, телогрейках и шинелях, курили махорку прямо в зале Большого театра, то в 90-е поделились в шикарные туфашки от «Арианы», но суть не поменялась: ни малейшего представления о балете эти люди не имеют...

— Прекрасно: начиная писать по бेलому листу.

— Ничего прекрасного! Потому что они снова захотели все сначала. Если наш балет

к тому времени уже чего-то достиг, если в 80-х годах появлялись очень интересные хореографические работы, то все эти находки были отброшены и снова подавай «Лебединое озеро» или «Щелкунчик»! Поэтому все это надо пройти еще по одному кругу.

— И еще одна трудность — гигантский зал?

— Мы тут посчитали, за 13 лет существования «Кремлевского балета» мы обслужили только в этом шестистычном зале более четырех миллионов человек! Бежар в состоянии здесь выдержать один день. Ну, два дня. А нам надо работать постоянно и делать все шесть тысяч за вечер. Наше руководство очень жестко подходит к этим вопросам. Сейчас отсекали все «неполные залы»; хотя наши неполные залы все равно больше Большого театра. Из-за этого мы не имеем возможности показывать камерные спектакли, хотя выход будем искать.

— То есть некий выездной филиал «Кремлевского балета»?

— Да. Мы об этом мечтаем.

— А где? В Москве?

— Ну где же еще... Хотя мы как раз сейчас обсуждаем идею открыть такой филиал за рубежом. Там очень много пустующих театров; стоит театр — и все, замечательный театр, но там ни труппы нет, ничего. И вообще, за границей нас немножко больше ценят, чем в России.

— Почему? Потому что вы прикрепились...

— Да, может быть, потому, что думают, что мы здесь на каком-то особом положении. Хотя мы работаем в куда более сложных условиях, чем любой театр в России. Это я могу с уверенностью сказать. У нас нет балетных залов. Мы сделали один зал — у нас его отняли под склад. Это был единственный зал, где можно было поднять балерину. Сейчас мы поднимаем балерину, она упирается ногами в потолок. Значит, она должна гнуть колени... На сцену нас тоже не выпускают, потому что она постоянно занята астрадными концертами. Артисты танцуют прямо с листа, выходя на сцену из малосценических залов.

— А есть ли у вас разнарядки по количеству премьер в год?

— Есть, но после «Ивана Грозного» у нас вообще не было ни одной премьеры. Вообще

еще несколько лет назад ходили слухи, что театр в Кремле закроют... Многие не выдержали такой подвешенной ситуации, в 2001 году ушли 29 человек.

— Сейчас это брожение умов кончилось?

— Давно. Пока не было премьер, мы много ездили за рубеж. А сейчас две премьеры даем — одна «Жизель», вторая — совместная российско-тайская постановка «Катя и принц из Сиам», она состоится 13 декабря в Бангкоке. Официально заказ сделан Фестивалем музыки и танца в Бангкоке, но на самом деле патронирует постановку королевская семья Таиланда. Первый акт происходит в Санкт-Петербурге в 1905 году, когда принц Сиам Чакрапонг познакомился с семнадцатилетней сиротой Екатериной Десницкой и женился на ней. Второй акт — уже в Сиаме. Кончается балет трагически. Все это — одна из самых ярких историй любви XX века. Музыку написал Павел Овсянников, либретто — я сам. В России мы покажем этот балет в начале марта: море надо привезти декорации, это не так быстро. Кстати, через десять минут начнется прогон первого акта.

Мы зашли за кулисы огромной сцены, втиснулись в рабочий лифт и поднялись под самый потолок, в просторную рекреацию бунгала, так известного своими наивкуснейшими жульенами. Кремлевский дворец сейчас реконструируется. Поэтому в бунгале было полно-полно рабочих и солдат. И под шум половников, брандичей, тарелок, переговоров, перебранки хореограф Андрей Петров начал репетицию «Кати и принца». Часто отключали свет. Было холодно. Балерины обматывались в свитера и так танцевали. Хотя они уж до всего привыкли. Но постороннему смотреть, в каких условиях делается чудо, было жутковато.

И хотя без декораций, без костюмов, без большой сцены (прогон шел на маленьком грядке) — и несмотря на все это, стало ясно, что балет замысливается интересный. Петербургские вальсы, сцена на вокзале, замысловатый стиль тайского танца. Красавицы балерины, техника не просто высокопрофессиональная... Ерунда! Техника аристократичная. Эти юные девушки — самые настоящие аристократки балета, в этом вся их суть. Дождемся весны.